

ДВИН В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

(Резюме)

Работа посвящена исследованию материальной культуры поселения Двина в античную эпоху. Важность данного изучения обусловлена актуальностью современных задач развития античной археологии Армении. Сегодня, когда исследуются важнейшие центры этой эпохи—Армавир, Арташат, Гарни—особое значение приобретают археологические раскопки Ширакавана, Карчахбюра, Мохраблур, Шамирама, Авана, Двина и других поселений. Благодаря раскопкам выявляется характер указанных поселений, их роль в социально-экономической, культурной и политической жизни, что в свою очередь, способствует глубокому и всестороннему исследованию жизни страны в изучаемый период.

* * *

Развалины Двина—средневековой столицы Армении—находятся в Арташатском районе совр. Армении. Работы по выявлению стратегической картины памятника, проводимые в течение длительного времени, между слоями, относящимися к средневековью (IV—XIII вв.) и периоду раннего железа (X—VIII вв. до н. э.), четко выделили эллинистический слой, насыщенный золой, обгоревшими кирпичами, черепками расписной керамики, а также строительными остатками и архитектурными фрагментами.

Эллинистический слой на вершине холма (здесь расположена цитадель средневекового города), где выявлен большой строительный комплекс, занимающий территорию в 300 м², достигает 1,5 м мощности. В центре рассматриваемого комплекса находится колонный зал, где *in situ* сохранились торовидные базы колонн, высеченные из белого песчаника. К последнему с востока и с запада примыкали другие постройки, о чем свидетельствуют сохранившиеся каменные фундаменты и нижние части стен, а также торовидные базы колонн. Представляемое сооружение не оставляет целостного впечатления, так как его основная часть заходит непосредственно под раннесредневековый базиличный зал. Однако планировочная композиция его отдельных частей, базы колонн, гладкотесанные плиты из белого песчаника, а также богатая расписная керамика свидетельствуют о существовании во II—I вв. до н. э. на вершине холма важного сооружения, вероятно общественного значения. В работе специально рассматривается

вопрос хронологии и культурно-исторической принадлежности торонидных баз, обнаруженных на территории холма и его окрестностей. Армения представляет собой одно из важнейших звеньев того обширного региона Малой и Центральной Азии, в котором данный тип баз получил широкое распространение. Будучи в постоянных политических и культурно-исторических контактах с различными странами, Армения воспринимала характерные для того времени архитектурные формы и часто перерабатывала их, придавая местные самобытные черты. Наличие таких архитектурных фрагментов на территории Двина («аттические» базы колонн ионического ордера, каннелированный фуст, каменный солен), свидетельствуют о существовании здесь построек, характерных строительному искусству и технике античной эпохи.

Представление о Двине античной эпохи дополняется результатами исследования центрального квартала, (непосредственно примыкавшего холма с запада), — культового центра средневекового города. Раскопки и стратиграфические наблюдения на этой территории подтвердили существование некрополя эллинистической эпохи. Некрополь Двина состоит исключительно из карасных погребений, изучение которых выявляет тесные связи с однотипными синхронными погребениями Арташата и Гарни. Для карасных погребений Двина характерно: скорченное положение покойника, обкладывание караса камнями, обязательно закрытое каменной плитой или каким-либо сосудом горлышко караса, наличие толстого слоя золы, богатого костями животных, что свидетельствует о тождестве религиозного мировоззрения, верований и погребальных обрядов жителей поселения с таковыми в Арташате и Гарни. Примечательно также сходство погребального инвентаря (разнообразные коллекции украшений, керамические изделия) во всех трех некрополях. Археологическое изучение последних отражает характерные для своего времени социально-экономические общности и связи. Это объясняется тем, что упомянутые памятники как в территориальном, так и в экономическом и политическом отношении представляли один и тот же регион.

Явные следы заселения в античную эпоху обнаруживаются также в окрестностях холма и в близлежащих селах (Норашен, Верхний Арташат, Верхний Двин, Нижний Двин, Гнаберд, Кахцрашен и др.). Однако важнейшая роль принадлежала, конечно, поселению на Двинском холме.

Как свидетельствуют результаты изучения археологического слоя, вероятно, в период развернутого градостроительства и, в частности, в связи с основанием столицы Арташат во II в. до н. э. был по достоинству оценен и холм Двина, занимающий в этом районе Араратской долины господствующее географическое положение. Учитывая особенности рассматриваемого исторического периода, представляется вполне естественной необходимостью создания опорных пунктов обороны и сообщения в непосредственном тылу новой столицы и упрочнения взаимосвязей между ними и царской резиденцией. Археологические исследования показывают, что на северо-востоке Арташат был окружен довольно мощным поясом поселений оборонительного назначения, которые были размещены на территории современных сел Дитак, Норашен, Кахцрашен.

* * *

Изучение археологических материалов позволяет воссоздать картину экономической и культурной жизни античного поселения Двина.

Обнаруженные в Двине материалы, связанные с сельскохозяйственным производством (зернотерки, ступки, тарапаны, большие и емкие карасы, сосуды со сливным носиком для молока, большие чаны) позволяют предположить о земледельческом характере поселения.

Сохранились также материальные свидетельства ремесленного производства. Уникальные образцы гончарных кругов свидетельствуют о росте и определенном уровне развития керамического производства, что обусловило массовое производство в Двине местной высококачественной керамики.

Изучение керамики осуществляется на основе анализа двух наиболее существенных ее признаков—формы и орнамента. Выделены следующие группы керамических сосудов: карасы, горшки, кувшины, сосуды со сливным носиком, фляги, чаны, миски, чашп-фиалы, блюда, светильники. Все виды керамики представлены также и расписными образцами. Орнаментальные мотивы расписной керамики по характеру можно разделить на три основные группы: геометрические, растительные и зооморфные. Для рассматриваемой коллекции особенно характерны орнаменты геометрического характера—волнистые пояски, представленные как в простом, так и сложном вариантах. При украшении керамических сосудов использовались как гармоничные, так и контрастные сочетания светлых и темных цветовых оттенков. Особенно часто встречается красная и черная роспись на оранжевом фоне. Благодаря детальному анализу формы и орнаментировки каждый сосуд предстает в неразрывном единстве формы, орнамента, цветовой гаммы и прикладного значения. Керамические сосуды Двина в единстве именно этих признаков соотносятся с керамикой эллинистической эпохи Армении, составляя органическую часть последней, что предоставляет возможность выявить общие черты и с аналогичной расписной керамикой эллинистического мира.

В карасных погребениях некрополя Двина обнаружены бронзовые браслеты, кольца, серьги, булавки, пуговицы, а также бусы (сердолик, халцедон, яшма, гагат, стекло) и геммы.

Заслуживают особого внимания каменные многогранники. Сюжеты поединка между всадником и пешим воином, изображенные на них, построены на бинарной оппозиции. Гордая осанка всадника, поза коня с широко раскрытой пастью не оставляют сомнения в победе всадника. По всей вероятности, в этом сюжете отражен ставший эпическим мотив древней легенды, согласно которой герой, сидящий верхом на коне, а иногда и в сопровождении собаки (что еще более подчеркивает его преимущество) выступает как справедливый и правый защитник родной земли. По мнению специалистов, в близких сюжетах «греко-персидских» гемм всадник олицетворяет героя-перса, а пеший воин—чужеземца (грека, скифа, ликийца). Следовательно, идеологическая основа данного сюжета оформилась, по всей вероятности, в персидской среде или же в странах, находившихся под культурно-политическим влиянием Персии. Однако «греко-персидские» геммы V—IV вв. до н. э. (т. е. ахеменидского периода), созданные в

«смешанном» стиле, в отличие от двинских гемм, во-первых, изготовлены особым способом (с помощью круглого сверла-рундперля), во-вторых, несут отпечаток определенных этнографических особенностей (герои изображены в восточном персидском одеянии, кони—с завязанными в узел хвостами, большей частью с вытянутыми в галопе крупами). Между тем, на двинских геммах изображение воинов и животных сильно стилизованы, абстрактны, здесь даны лишь их общие контуры. В этих изображениях подчеркнут и выделен лишь какой-либо один элемент, существенный для данного сюжета, к примеру, неестественно широко раскрытая пасть лошади, столь же неестественные острые бородки и длинные носы воинов, бесформенные головы, тела, изображенные без обозначения одежды. Здесь фактически получают свое выражение местные художественные принципы. Примечательно, что сюжеты этих гемм разработаны согласно тем стилистическим принципам, которые отражены в более обобщенном и схематичном виде также и на некоторых геммах европейских коллекций. Их изучение (в совокупности с хронологическими и географическими факторами) привело английского ученого Дж. Бордмана к выводу о принадлежности гемм к группе «греко-персидских», но выполненных в стиле, относящемся к последующему в хронологическом отношении. Этот стиль, согласно Бордману, испытал на себе незначительное греческое влияние и особенно характерен для многогранных гемм восточного региона. Таким образом, он считает рассматриваемый стиль постахеменидским, перешедшим, вероятно, и в македонскую эпоху. Действительно, те же типажи могли по традиции использоваться и в хронологически более поздний период, но в такой обобщенной, схематической и условной реконструкции стиля, как это мы наблюдаем в вышеупомянутых европейских и найденных в Двине геммах. Это обстоятельство, равно как археологические аргументации, позволяющие отнести наши находки к более позднему периоду, а также особенности и аналогии, выявленные при анализе стилей ахеменидских и двинских гемм, дают основание датировать найденные в Двине геммы эллинистическим периодом. Фактически в постахеменидских геммах европейской коллекции и геммах из Двина продолжают действовать «греко-персидские» традиции. Однако, названные геммы выступают как явление, порожденное выразительными принципами последующей эпохи и соответствующей географической среды.

Среди археологических материалов выделяется, обнаруженный на территории города, бакальтовый четырехгранный алтарь. По форме и по размерам он близок к широко распространенным на обширной территории Римской империи аналогичным памятникам. Тщательный анализ рельефных изображений алтаря (на одной стороне изображен выпуклый диск с круглой выемкой в центре; на обратной стороне—птица на пьедестале; на третьей стороне—голова быка с рогами в виде полумесяца; на четвертой—скорпион с *testiculo* в шупальцах) приводит к выводу, что он посвящен богу Митре и относится к римской эпохе. То обстоятельство, что в Двине обнаружен алтарь, созданный по подобию римских аналогов, свидетельствует о существовании здесь святилища, посвященного культу Митры. Известно, что в этот период алтари рассматриваемого типа были, в основном, передвижными, что делалось в целях удовлетворения рели-

гиозно-культурных потребностей войск. Представляется вероятным, что в период правления императора Траяна (98—117 гг.), когда Армения была провозглашена римской провинцией (114 г. н. э.) и в Арташате стояли вонны I Италийского и IV Скифского легионов, Двин, занимавший господствующее стратегическое положение в этом районе, несомненно, привлек к себе особое внимание. Вероятно, в Двине располагался сторожевой пункт одного из римских легионов, в святилище которого и был установлен алтарь, посвященный Митре. Обнаружение алтаря, посвященного Митре и созданного по типу римских аналогов, открывает новые пути в области исследования армяно-римских культурно-исторических взаимосвязей.

Поселение Двина, находясь в перекрестке международных торговых путей, должно было хоть в какой-то мере быть вовлеченным в сферу этой торговли. Об этом свидетельствуют обнаруженные монеты (Филиппа III Аррндя, Тиграна II Августа, Домициана, а также Рискупорда II и Рискупорида VI), отражающие картину денежного обращения в рассматриваемое время, а также стеклянные флаконы, импортированные из центров стеклоделия Восточного Средиземноморья.

* * *

Весной 59 г. Арташат был разрушен римским полководцем Корбулоном. Та же судьба была уготовлена процветающему и благоустроенному Двину, доказательством чего служит наличие археологического слоя этого периода со следами больших пожаров. Этими политическими событиями и завершается первый этап жизни античного поселения Двина, который согласно археологическим данным охватывает период со II в. до н. э. до середины I в. н. э.

Второй этап жизни античного Двина должен охватывать период с момента его восстановления (по-видимому, I в. н. э.) до IV в. н. э., когда царь Хосров Котак (332—338 гг.) перенес свой двор из Арташата в Двин. Тиридат I (63—88 гг.), развернувший активную деятельность по восстановлению Арташата, превратившегося в еще более великолепный и роскошный город, и благоустройству Гарни, не мог обойти вниманием и тесно связанное с Арташатом полностью сожженное и разрушенное поселение Двина, которое выступало к тому же как связующее звено между двумя царскими резиденциями. В этой связи не случайно, что именно с деятельностью основателя династии Аршакидов—Трдата I связывается вопрос о происхождении святилища Двип-Асаак. К сожалению, недостаток фактического—археологического материала пока что не позволяет яснее осветить вопросы, касающиеся второго этапа жизни поселения Двина.

Вышесказанное приводит нас к следующему общему заключению.

Начало заселения территории Двина относится к III тысячелетию до н. э. В X—VIII вв. до н. э. здесь существует важный культовый и ремесленный центр. Временно прерванная в VIII в. до н. э. жизнь вновь возродилась в эллинистический период, точнее, во II в. до н. э., одновременно с основанием столицы Арташат и крепости Гарни—летней резиденции армянских царей.

То обстоятельство, что поселение Двина было расположено на

пути, ведущем из столицы Арташат в летнюю резиденцию Гарни, уже само по себе наводит на мысль об общей политической судьбе поселения с этими двумя античными памятниками. По всей вероятности, одновременно с восстановлением Арташата и Гарни, которые в I в. н. э. были разрушены римлянами, возрождается жизнь и в Двине.

Двин является одним из тех выдающихся древнейших культурно-исторических центров Армении, которые функционировали почти непрерывно, начиная с глубокой древности и до поздних времен; археологические слои этих памятников сохранили признаки, характерные для истории и культуры каждой эпохи, что подтверждает факт длительного и непрерывного развития культурной жизни на Армянском нагорье.

DVIN IN THE AGE OF ANTIQUITY (Summary)

The work is dedicated to investigation of material culture of Dvin settlement in the age of antiquity. The importance of this investigation depends on actuality of present problems of ancient Armenian archaeology development. Today, when the most important centres (Armavir, Artashat, Garni) of that age are being investigated, archaeological excavations of Shirakavan, Kartchakhpiur, Mokhrablur, Shamiram, Avan, Dvin and other settlements gain special importance. Thanks to excavations the nature of mentioned settlements, their role in social-economic, cultural and political life are revealed. That, in its turn, helps to investigate in deep and thorough mode in the life of the country in the period that is the point of interest.

* * *

The ruins of Dvin—the medieval capital of Armenia—are situated in Artashat region, in Armenia. The work on revealing the stratigraphical picture of the monument ran in a long course of time between strata of medieval centuries (IV—XIII A. D.) and the period of early Iron (X—XIII centuries B. C.) clearly marked out the Hellenistic stratum sated with ashes, scorched bricks, crocks of painted ceramics as well as construction lavings and architectural fragments.

The Hellenistic stratum on the top of the hill (the citadel of the medieval town was situated there) where a big construction complex occupying a territory of 300 m² was revealed mount to thickness of 1.5 m. There is a pillared hall in the centre of the complex, where toroidal bases of columns carved of white sandstone have been preserved. Other buildings adjoined to the latter from East and West; preserved stone foundations and ground parts of walls as well as toroidal bases of columns testify that. The represented building cannot produce an integral impression, because the main part of it is placed under a big basilic hall of early Middle Ages. However the planning composition of

separate parts of it, the bases or columns, smoothly trimmed slabs made of white sandstone as well as rich painted ceramics are evidence of existence of an important building probably of community importance on the top of the hill in II—I centuries B. C. The problem of chronology and cultural-historical belonging of toroidal bases found on the territory of the hill and nearby is specially examined in the work. Armenia represents one of the most important links of the vast region in (Asia Minor and Central Asia, where the given type of bases was widely spread. Being in permanent political and cultural-historical contacts with different countries Armenia apprehended typical for that period architectural forms and often remade them giving local original features.

The presence on the territory of Dvin of such architectural fragments (Attic bases of columns with Ionic order, fluted pillars, stone-made solen) are evidence of existence of buildings here that are typical for construction art and technics of age of antiquity.

Notions about Dvin in age of antiquity are supplemented with results of investigations of central quarter which abjoins the hill from the West and was the religious centre of the medieval town. Excavations and stratigraphic observations on this territory confirm the existence of a necropolis of Hellenistic age. The Dvin necropolis consists exclusively of jar burials and the investigation of them reveals close connections with synchronous burials of the same type in Artashat and Garni. Writted posture of the deceased, stones put round the jar, neck of the jar compulsory closed with a stone slab or a vessel, presence of a thick ash layer, full with bones of animals—all this is typical for the Dvin jar burials. This is also an evidence of identity of religious outlook, belief and burial ceremonies of this settlement inhabitants with those in Artashat and Garni. Notable is the likeness of the burial equipment (various collections of adornments, ceramic goods) in all three necropolises. Archaeological research of the latter reflects social-economical communities and connections typical for that time. It could be explained by noticing that named monuments represent the same region in both territorial, economical and political aspects.

Obvious tracks of being populated in age of antiquity are found also in surroundings of the hill and in villages nearby (Norashen, Verin Artashat, Verin Dvin, Nerkin Dvin, Hnaberd, K(h)akhtsrashen and others). However the most important role belonged of course to the settlement on the Dvin hill.

The results of investigating the archaeological strata are evidence that, probably, in the period of wide spread town-planning and, partly, in connection with the foundation of Artashat capital in II century B. C. the Dvin hill occupying dominating geographical situation was also ap-

preciated at its true value. Taking into consideration the peculiarity of the historical period under review, the necessity of creating strong points of defence and communication in firsthand rear of the new capital, as well as strengthening of connections between them and king's residence seem quite natural. As archaeological research shows Artashat was surrounded by a quite powerful zone of defending purposes from North-East that were situated on the territory of modern villages Ditak, Norasher, K(h)akh'srashen.

* * *

Investigation of archaeological materials allows to recreate the picture of economical and cultural life of ancient settlement of Dvin.

The materials connected with agriculture (grain graters, mortars, tarapans, big and capacious jars, vessels with discharge spout for milk, big vats) that were found in Dvin allow to suppose that the settlement had agricultural nature.

Material illustrations of trade production were also preserved. Unique patterns of potter's wheels are evidence of growth and certain level of ceramic production which called forth mass production of local ceramics of high quality in Dvin.

The investigation of ceramics is realized on basis of analysing its two most important signs—form and ornament. Following groups of ceramic vessels were marked out: jars, pots, jugs, vessels with discharge spout, flasks, vats, bowls, cup-phials, dishes, lamps. All kinds of ceramics are represented by painted patterns too. Ornamental motifs of painted ceramics could be divided in three main groups by their nature: geometrical, vegetable and zoomorph. Ornaments of geometrical nature are especially typical for examined collection: wavy belts, represented in simple and complicated variants. While decorating ceramic vessels both harmonic and contrast combinations of light and dark colour tints were used. Red and black painting on orange background is particularly often found. Due to detailed analyze of form and ornamentation every vessel is represented as a unity of form, ornament, colour scale and applied meaning. The ceramic vessels of Dvin correlate with ceramics of Hellenistic age of Armenia in unity of exactly these signs forming an integral part of the latter. This gives an opportunity of finding out common signs with similar painted ceramics of the Hellenistic world.

In jars burials of Dvin nekropolis bronze bracelets, rings, earrings, pins, buttons, beads (cornelian, chalcedony, jasper, jet, glass) and gems were found.

Stone-made tabloid gems merit special attention. Subjects of combat between a horseman and an unmounted soldier painted on them are

constructed on binary opposition. The proud bearing of the horseman, the pose of the horse with wide-opened mouth leave no doubts that the horseman must win. Probably, a motif or an ancient legend that became epic, had been reflected in this subject. According to that legend the hero sitting on a horseback sometimes accompanied with a dog (which emphasizes his advantage) appears as a just and right defender of native land. As specialists think, in closely connected subjects on „Greek-Persian“ gems the horseman personifies a hero Persian, while the unmounted soldier—a stranger (Greek, Scythian, Lykian). Therefore the ideological basis of the given subject was formed, probably, amidst Persians or in countries that were under cultural and political influence of Persia. However „Greek-Persian“ gems of V—IV centuries B. C. (i. e. of Achaemenides period) created in mixed style in contrast to Dvin gems, first: are made in a special way (with the help of round drill); second: bear the mark of definite ethnographic peculiarity (the heroes are painted in oriental Persian clothes, the horses—with knotted tails, mostly with stretched galloping croups). Meanwhile paintings of soldiers and animals on Dvin gems are strongly stylized, abstract, only general contours are given. Only one of the elements important for given subject on these pictures is emphasized, for example, unnaturally wide opened mouth of the horse, so much unnaturally sharp little beards and long noses of the soldiers, formless heads, bodies painted without mentioning clothes. In fact, local artistic principles are expressed here. It is notable that the stylistic principles that in a more generalized and schematized way have been reflected also on some gems in European collections. Their investigation (joint with chronological and geographic factors) brought an English scientist J. Bordman to a conclusion that gems belong to the group of „Greek-Persian“, but are realized in style which is the following in chronology. According to Bordman this style was very slightly influenced by Greeks and is especially typical for tabloid gems of Eastern region. Thus he considers this style to be post-Achaemenide. It came, probably, to Macedonian age too. Really, the same types could be used, according to tradition, in later chronological period, but in such generalized, schematized and relative reconstruction of the style that one can see on mentioned above European gems and those found in Dvin. Both this circumstance and archaeological argumentations that allow to attribute our finds to later period, as well as peculiarities and analogues that were revealed while analyzing the styles of Achaemenides and Dvin gems give reason to date gems found in Dvin from Hellenistic period. The „Greek-Persian“ traditions, in fact, last in post-Achaemenide gems of European collections and gems from Dvin.

But the mentioned gems appear as a phenomenon, brought to life

by expressive principles of the next age and appropriate geographical environment.

A basalt four-edge altar found on the territory of the town is notable among archaeological materials. It is close to similar monuments that were widespread on the vast territories of Roman Empire. Thorough analysis of the altar relief paintings (a salient disk with a circle groove in the centre is painted on one side; a bird on a pedestal—on the opposite; a bull's head with halfmoon horns—on the third side and a scorpion with testiculo in tentacles—on the fourth) brings to conclusion that it was dedicated to god Mithra and is dated from Roman age. The circumstance that an altar created in likeness to Rome analogues was found in Dvin is an evidence of existence of a sanctuary dedicated to Mithra cult. It is well known that altars of examined type were in that period mostly mobile which was done to satisfy the religious needs of the army. Seems possible that in the period of governing of Trajanus the Emperor (98—117), when Armenia was declared a Roman province (114 A. D.) and soldiers of I Italica and IV Scythica legions were situated in Artashat. Dvin that occupied dominating strategic position in this region attracted special attention. Possibly, a sentry point of one of Roman legiones was situated in Dvin and in its sanctuary was the dedicated to Mithra altar placed. The discovery of the altar that was dedicated to Mithra and created in likeness to Rome analogues opens new ways in field of investigating Armenian-Roman cultural-historical intercommunications.

The settlement of Dvin being at the crossroads of international trade roads had to be involved in that trade. The evidence of that are both discovered coins (of Philippus III Arrideus, Tigranes II, Augustus, Domitianus, as well as of Riscuporidus II and Riscuporidus IV) that reflect the picture of coin circulation in examined period, and glass bottles imported from glass production centres in East Mediterranean

* * *

Artashat was ruined by Roman commander Corbulo in spring 59. The same fate was waiting for Dvin that lived in prosperity and comfort. The presence of archaeological stratus of that period with tracks of big fire proves that. The first period of life of ancient settlement of Dvin is ended with this political events, which according to archaeological information covered the period from II century B. C. to the midst of I century A. D.

The second period of life has to cover the period from rebuilding of Dvin (apparently I century A. D.) until IV century A. D., when Khosrow Kotak (332—338), the King, transferred his court to

Dvin from Artashat. Tiridates I (63—88) developed activities rebuilding Artashat, which became much more magnificent and luxurious, as well as Garni, couldn't leave without attention to the completely burned and ruined settlement of Dvin that was also closely connected with Artashat. In addition it was the important link between two king's residences. In this connection it is no coincidence that the problem of origin of Dvin-Asaak sanctuary is tied together with activities of Tiridates I the inventor of Arshakides dynasty. Unfortunately, lack of actual-archaeological material prevents yet from more clear interpretation of problems of Dvin settlement life during the second period.

All mentioned above leads us to the following general conclusion.

The beginning of Dvin territory settling dates from III millennium B. C. An important religious and trade centre existed here in X—VIII centuries B. C. Life temporarily broken in VIII century B. C. revived in Hellenistic period, more precise—in II century B. C., simultaneously with the foundation of Artashat capital and Garni fortress—the summer residence of Armenian kings.

The circumstance by itself that Dvin settlement was placed on the way from Artashat capital to the summer residence Garni suggests the idea of political late common for the settlement and the two ancient monuments. Probably, the life in Dvin is being revived simultaneously with rebuilding of Artashat and Garni which were ruined by Romans in I century A. D.

Dvin is one of the outstanding ancient cultural-historical centres of Armenia that functioned almost uninterruptedly, beginning from deep antiquity up to later time; the archaeological strata of those monuments preserve signs typical for history and culture of all periods. That confirms the fact of long and uninterrupted development of cultural life on Armenian plateau.